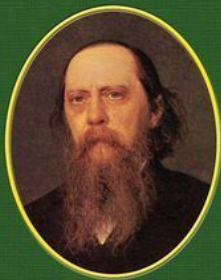

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Темное дело

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132995

Аннотация

Две темы занимают в настоящей рецензии центральное место – во-первых, изображение в литературе народной жизни, во-вторых, в связи с первой темой – роль народа, «мужика», в истории. Кто же «пишет» русскую историю – те, кого Салтыков в «Признаках времени» назвал «историографами», или мужик, находящийся вне пределов исторической жизни? Весьма посредственный драматург Д. И. Лобанов следует в своей якобы «народной» драме (на самом деле – исторической мелодраме) традиции, согласно которой значение мужика равняется значению мухи, чем и объясняется резко отрицательный отзыв Салтыкова о драме «Темное дело».

Содержание

Примечания
Комментарии

8

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Темное дело

*Народная драма в 5-ти действиях Дмитрия
Лобанова. СПб. 1871*

В драме так уж исстари повелось, что ежели сильный мира подвергается насильственному устранению из жизни, то совершивший преступление не только не получает ожидаемых от него выгод, но создает для себя положение настолько нестерпимое, что гораздо лучше во всем сознаться и подвергнуть себя заслуженной каре, нежели продолжать жить с страшным укором на совести. Преступник не ест, не спит, непрерывно моет руки и никак не может отмыть кровавое пятно и т. д. Очевидно, что таким образом жить невозможно, но в этой-то невозможности жить и является *ipso facto*¹ то естественное разрешение драмы, к которому стремится драматург. Когда человек не спит и не ест, когда он постоянно подвергается припадкам лунатизма, то весьма естественно, что он непременно выболтает свою тайну совсем не тому, кому о том ведать надлежит. А как скоро это случилось, то перспектива, ожидающая преступника, обозначается уже

¹ в силу самого факта

сразу: узнавший тайну открывает ее прокурорскому надзору (ибо он знает, что если не донесет, то и ему поблажки не будет), а от прокурорского надзора до скамьи подсудимых – рукой подать! И вот, суд идет, свидетели путаются, прокурор гремит, защитник почтительно докладывает, что сознание, совершенное в припадке лунатизма, не может считаться уликою... Но преступник, чувствуя, что совесть донимает его окончательно, уже сам отказывается от помощи, подаваемой ему защитой. Он с укором смотрит на своего защитника, который намеревался затмить истину, и взволнованным голосом начинает рассказывать «печальную повесть своего преступления», причем в особенности старается поставить на вид свои угрызения. Тогда суд постановляет приговор, по объявлении которого судья произносит краткую речь, заключающуюся словами: «Подсудимый! преступление, которое вы совершили, ужасно, и кара, которую вы понесете за него, вполне заслужена; но кара эта примирит вас с вашей совестью. Ступайте на каторгу и помните, что совершать преступления в благоустроенном обществе не дозволяется!» Все довольны: прокурор доволен потому, что приписывает добровольное сознание пламенности своего обвинения; суд – потому, что приписывает тот же результат торжественности заседания; публика – потому, что приписывает его участию в суде общественного мнения, сам подсудимый – потому, что чувствует, что совесть вдруг перестала его мучить, и сверх того тайно надеется, что его, за добровольное созна-

ние, не только не ушли на каторгу, но произведут в следующий чин. Один защитник сконфужен и ничего себе не приписывает.

Происходит ли в преступнике подобный психологический процесс в тех случаях, когда из жизни устраняется лицо менее сильное, как, например, мужик, – об этом драма умалчивает. Напротив того, она показывает нам разбойников, которые на своем веку сгубили многие десятки душ и не формализовались своим ремеслом до тех пор, покуда случайно не попадался под руку сильный мира, и уже тогда начинались собственно угрызения. Самый суд над преступниками этого рода бывает до крайности запутан. Преступник не только не сознается, но пускает в ход бесчисленное количество *alibi*, приводит свидетелей своей добродетельной жизни и т. п. Прокурору нельзя похвастаться пламенностью своего обвинения, суду – подавляющим впечатлением торжественности заседания, публике – давлением на совесть подсудимого общественного мнения. Один защитник смотрит гордо и светло и все приписывает себе. Отчего это происходит? Отчего совесть, столь чувствительная относительно сильных мира, вдруг делается равнодушной, когда идет речь о мужике? Оттого ли, что мужик находится вне пределов исторической жизни и значение его равняется значению мухи? На все эти вопросы не отвечает ни драма, ни жизнь.

Г-н Лобанов вполне последовал изложенной выше драматической традиции. Герои его «народной драмы» – Никита и

Василиса Волохова совершили страшное и имевшее громадные последствия убийство,^[1] и потому весьма естественно, что совесть угрызает их. Никита с отчаяния идет в разбойники и губит несчетное количество людей, Василиса – следует за ним, моет себе руки «в ведре с водою» и никак не может отмыть их от крови (это наша русская леди Макбет, только на несколько ступеней ужаснее ее, потому что является на сцену в лохмотьях и с ведром). Но когда тот же Никита с своими сообщниками убивает сотни проезжих из среднего и подлого состояния людей, то он – ничего, даже бровью не поведет...

Таков первый вывод, который вытекает из драмы г. Лобанова. Второй вывод заключается в том, что наши русские разбойники являются в драме совсем не разбойниками, а, так сказать, столоначальниками разбойничьего стола, которые о том только и думают, как бы закончить свою карьеру и повести своих товарищей на царскую службу. По-видимому, они только с этою целью и поступают в разбойники. Это явствует из рассказа разбойника Соловья («Темное дело») о Ермаке; это же явствует и из поступков разбойника Волохова...

Такой взгляд на русское разбойничье дело, при всей его благонамеренности, кажется нам несколько преувеличенным.

Примечания

Условные сокращения

Изд. 1933–1941 – Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М. – Л. 1933–1941.

ЛН – «Литературное наследство».

Неизвестные страницы – М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии С. Борщевского, М. – Л. 1931.

Письма, 1924 – М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма. 1845–1889. Под ред. Н. В. Яковлева. Л. 1924.

ОЗ – «Отечественные записки».

С – «Современник».

ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Отдел рукописей.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства.

Z. f. sl. Ph. – «Zeitschrift für slavische Philologie». Hsg. von Dr. Max Vasmer. B. IV, Doppelheft 1–2. Leipzig, 1927.

Темное дело. Народная драма в 5-ти действиях Дмитрия Лобанова. СПб. 1871.

ОЗ, 1871, № 9, отд. «Новые книги», стр. 66–68 (вып. в свет – 20 сентября). Без подписи. Авторство установлено С. С. Борщевским на основании анализа текста – *Неизвестные страницы*, стр. 554–555.

Две темы занимают в настоящей, хотя и очень краткой рецензии центральное место – во-первых, изображение в литературе народной жизни, во-вторых, в связи с первой темой – роль народа, «мужика», в истории. Кто же «пишет» русскую историю – те, кого Салтыков в «Признаках времени» назвал «историографами», или мужик, находящийся вне пределов исторической жизни? Весьма посредственный драматург Д. И. Лобанов² следует в своей якобы «народной» драме (на самом деле – исторической мелодраме) традиции, согласно которой значение мужика равняется значению мухи, чем и объясняется резко отрицательный отзыв Салтыкова о драме «Темное дело».

² Д. И. Лобанов одно время был близок с композитором А. Н. Серовым и принимал участие в составлении либретто его оперы «Юдифь». Об этом сотрудничестве он вспоминает в мемуарной статье «А. Н. Серов и его опера «Юдифь», опубликованной в шестой книжке «Вестника Европы» за 1871 г., незадолго до напечатания «Темного дела» (ценз. разр. – 4 августа 1871 г.) и появления рецензии Салтыкова. В этой статье Лобанов, в частности, противопоставляет «Юдифь» «бытовой драме», о которой отзывается неодобрительно

Комментарии

1.

...страшное и имевшее громадные последствия убийство... – убийство царевича Димитрия.